

Правительственная деятельность за годы 1619-1645.

Итак, с приездом Филарета Никитича временщики должны были отказаться от власти и уступить влияние ему. Иначе и быть не могло: Филарет, по праву отца, ближе всех стал к Михаилу и руководил им, как отец сыном. Таким образом началось двоевластие, и началось официально: все грамоты писались от лица обоих великих государей. Имя Михаила стояло в них впереди имени патриарха, но, зная волю и энергию Филарета, нетрудно отгадать, кому принадлежало первенство фактически.

И вот началась энергичная и умелой рукой направленная работа над водворением порядка в стране. Все стороны государственной жизни обратили на себя внимание правительства. С участием Филарета начались заботы о финансах, об улучшении администрации и суда и об устройстве сословий. Когда в 1633 г. Филарет сошел в могилу, государство Московское было уже совсем иным в отношении благоустройства – не все, конечно, но очень много для него сделал Филарет. И современники отдают справедливость его уму и делам. Филарет, говорит одна летопись, «не только слово Божие исправлял, но и земскими делами всеми правил; многих освободил от насилия, при нем никого не было сильных людей, кроме самих государей; кто служил государю и в безгосударное время и был не пожалован, тех всех Филарет взыскал, пожаловал, держал у себя в милости и никому не выдавал». В этом панегирике современника много справедливого; вновь возникший государственный порядок в самом деле многим был обязан Филарету, и этого мы не можем не признать, хотя, может быть, наши симпатии к властительной личности патриарха могут быть и меньше, чем к ее государственным заслугам. Но должно признаться, что историк, чувствуя общее благотворное влияние Филарета в деле устройства страны, не может точно указать границы этого влияния, отличить то, что принадлежит лично Филарету и что другим. В жизни наших предков личности было мало простора показать себя, она всегда скрывалась массой. Здесь мы можем только указать на общее значение Филарета в деле успокоения государства. Из общего очерка государственной деятельности Михайлова правительства это значение выльнет яснее.

Нельзя сказать, чтобы до Филарета не старались об устройстве земли: Земские соборы постоянно были заняты этим делом; но без опытного руководителя оно шло без системы; к тому же приходилось бороться с проявлениями смуты и устраиваться кое-как для того лишь, чтобы обеспечить мир. Насколько можно судить по источникам, до Филарета у московского правительства было два главных интереса в отношении внутреннего устройства, две задачи: во-первых, собрать в казну как можно более средств и, во-вторых, устроить служилых людей, другими словами, устроить войско. Для этих-то целей собор назначал два раза – в 1615 и 1616 гг. – сбор пятой деньги, т. е. 20% с годового дохода плательщика, и посошное – в 1616 г. – по 120 р. с каждой сохи. Разница между той и другой повинностями состояла в том, что 20% платилось с «двора», посошное же взималось с меры пахотной земли, с «сохи». Кроме того, своим чередом платились обычные подати. Между тем при таких громадных сборах, при займах, к которым сверх того прибегало правительство, у него все-таки не хватало средств и оно не могло давать льготы податному сословию, не желало даже допускать недоимок. Подати собирались с обычной в то время жестокостью и, конечно, очень большим бременем ложились на народ. Для второй же цели правительство посылало не раз в разные местности бояр «разбирать» служилых людей, «верстать», т. е. принимать в службу, детей дворян, годных к службе, и наделять их поместной землей. И для первой, и для второй цели необходимо было знать положение частной земельной собственности в государстве, и вот посылались «писцы» и «дозорщики» для описи и податной оценки земли. Но

благодаря отсутствию, так сказать, хозяйского глаза, каким позже явился Филарет, все намерения правительства исполнялись небрежно, с массой злоупотреблений со стороны и администрации, и населения: писцы и дозорщики одним мирволили, других теснили, брали взятки; да и население, стремясь избавиться от податей, часто обманывало писцов, скрывало свое имущество и этим достигало льготной для себя неправильной оценки.

Как только Филарет был поставлен в патриархи, недели через две после приезда в Москву он возбуждает уже важнейшие государственные вопросы и ставит их на разрешение собора. Первое, что обратило его внимание, была именно путаница в финансовых делах, в деле взимания податей. И вот в июне 1691 г. Земский собор постановляет замечательный приговор, преимущественно по финансовым делам. Собору были поставлены на вид указания, сделанные царю патриархом: 1) с разоренной земли подати взимаются неравномерно, одни из разоренных земель облагаются податью по дозорным книгам; с других же, не менее разоренных, берется подать по писцовым книгам¹; 2) при переписи земель допускаются постоянные злоупотребления дозорщиков и писцов; 3) бывают постоянные злоупотребления и со стороны тяглых людей, которые массами или закладывались за кого-нибудь (т. е. входили в особого рода долговую зависимость и тем самым освобождались от тягла и выходили из общины), или просто убежали из своей общины, предоставляя ей, в силу круговой поруки, платить за выбывших членов; 4) кроме этих податных злоупотреблений многие просят от «сильных людей их оборонить», ибо сильные люди (т. е. администрация, влиятельное боярство и т. д.) «чинят им насильства и обиды». Вот об этих-то злоупотреблениях государь и говорил на соборе «как бы то исправить и землю устроить». Собор постановил следующее: 1) произвести снова перепись в местностях неразоренных, писцов и дозорщиков выбрать из надежных людей, привести их к присяге, взяв обещание писать без взяток и работать «вправду»; 2) тяглых людей, выбежавших и «заложившихся» за бояр и монастыри, сыскать и возвратити назад в общины, а на тех, кто их держал, наложить штрафы; 3) составить роспись государственных расходов и доходов: сколько «по окладам» (т. е. по частным росписям) числится тех и других, сколько убыло доходов от разорения, сколько поступает денег, куда их расходовали, сколько их осталось и куда они предназначаются; 4) относительно жалоб на сильных людей состоялся царский указ, соборный приговор: боярам кн. Черкасскому и Мезецкому поручить сыскивать про обиды «сильных людей» в особом сыском приказе; наконец, 5) решили обновить состав Земского собора, заменив выборных людей новыми.

В этом приговоре собора резко выделяются две черты: прямо рисуется неудовлетворительное экономическое положение податных классов и уклонение от податей, а затем не удовлетворительное же состояние администрации с ее злоупотреблениями, о которых свидетельствовали столь частые челобитные про «обиды сильных людей». Все последующие внутренние распоряжения правительства Михаила Федоровича и клонились именно к тому, чтобы 1) улучшить администрацию и 2) поднять платежные и служебные силы страны.

1. Что касается до администрации, то, пользуясь слабостью надзора сверху, для которого у правительства просто не было средств, и отсутствием крепких местных союзов внизу, в областях, воеводы и приказные дельцы позволяли себе ряд насилий и беззаконий. До смуты местное управление не имело однообразного типа. При царе

¹ Дозор – это податная оценка имуществ сообразно их благоустроенности: здесь принимаются в расчет обстоятельства, могущие дать льготы по уплате податей (долги, пожары, разорение от врагов и т. д.). Перепись – это простая податная оценка имуществ, при которой не обращается внимания на благосостояние плательщиков.

Иване IV, как мы видели, желая ограничить злоупотребления областных правителей – наместников и волостелей, – правительство разрешило городским и сельским общинам самим выбирать себе судей и правителей, причем новые выборные власти получали название губных старост, излюбленных голов, земских судей и пр. Но это самоуправление на деле было введено не везде: в некоторых местностях наряду с выборными, или даже и исключительно, управляли наместники. Во время смуты самоуправление как-то повсюду исчезает; смута, как военное время, выдвигает и военную власть – воевод в роли областных правителей; в их руках в начале XVII в. сосредоточиваются все отрасли управления и суда; пользуясь этим, они обращали управление и суд в дело личной выгоды. По словам одной царской грамоты, «в городах воеводы и приказные люди (их помощники) всякия дела делают не по нашему (царскому) указу, монастырям, служилым, посадским, уездным, проезжим всяким людям чинят насильства, убытки всякие; посулы, поминки и кормы берут многие». Стоит только просмотреть ряд челобитий того времени, в которых ярко описываются все «насильства и убытки», чтобы заключить о силе злоупотреблений местной администрации. Для примера упомянем о действиях мангазейских (в Сибири) воевод Григория Кокорева и Андрея Палицына. Палицын доносил на Кокорева, что этот последний, когда самоеды привозят ясак (подать), спаивал их, и таким путем и ясак, и деньги переходили в руки ловкого воеводы. Затем он часто устраивал пиры, на которых яства должно было приносить население, а в случае, если кто-либо мало приносил, приношение бросалось в лицо приносителю и его прогоняли толчками. Если кто из богатых людей не угождал воеводе, его неожиданно посылали на службу в тундры, и только дав за себя выкуп, можно было избежать такого рода ссылки. Мало того, Кокорев часто разыгрывал из себя невинность и ни за что не хотел брать взятки. Но тут на помощь являлся кто-нибудь из приятелей воеводы и предлагал просителю обратиться «ко всемирной заступнице» (так называл он жену Кокорева); последняя улаживала дело и принимала взятку. Кокорев, в свою очередь, писал доносы на товарища, что тот держит корчму и спаивает всех водкой. Мало-помалу распря воевод разгорелась чуть ли не в целую войну: между представителями администрации произошла прямая стычка, в которой было убито несколько человек посадских. Не имея сил избежать такого рода явлений, прекратить общий произвол, завещанный смутой, правительство, карая отдельных лиц, в то же время облегчало возможность челобиться на администрацию, учреждая в 1619 г. для того Сыскной приказ, а в 1621 г. обращаясь ко всей земле с грамотой, в которой оно запрещало общинам давать воеводам взятки, на них работать и вообще исполнять их незаконные требования. В случае же неисполнения вышеуказанного правительство грозило земским людям наказанием. Но последующая практика показала недействительность такого рода оригинального обращения к земле. Воеводы продолжали злоупотреблять властью, и земские люди говорят на соборе 1642 г., стало быть, спустя лет двадцать после указанных мер: «В городах всякие люди обнищали и оскудели до конца от твоих государевых воевод». Воеводы слишком близко стояли к народу; неудовольствие воеводы слишком ощутительно отзывалось на городском человеке и невольно заставляло его давать взятку и работать на воеводу, а управы на него искать было все-таки трудно: за управой необходимо было ехать в Москву.

В 1627 г. правительство пришло к мысли восстановить повсеместно губных старост, предписывая выбирать их из лучших дворян, т. е. из более состоятельных. Эта мера ограничивала круг влияния воевод; многие города воспользовались ею и просили, чтобы у них не было воевод, а были только губные старосты, и это разрешалось. Таким образом, губной старост сосредоточивал в своих руках не одни уголовные дела, а во областное управление, становился и земским судьей. Но другой стороны, города иногда оставались недовольны губными старостами и просили

назначить им воевод; так, город Дмитров, просивший в 1639 г. губного старосту, в 1644 г. уж хлопочет о назначении ему воеводы. Город Кашин в 1644 I также просил себе воеводу (и даже указывал на Дементия Лазарева, как на лицо, желаемое для этой должности), потом что кашинский губной староста «срамен и увечен», а прежде Кашине были воеводы, а такого «воровства не было». И другие города поступают точно так же губным правом из-за непригодности известной личности. Очевидно, что губной институт, это по-нашему – «право», тогда не мыслился таковым: в уездах было очень мало людей, годных для дела, ибо все такие люди правительством «выволочены на службу». Некоторые общины, однако, сохранили и в то время полное самоуправление: это было большей частью в так называемых черных землях, преимущественно на севере.

Таково было при Михаиле Федоровиче положение местного управления, носившего, следовательно, смешанный характер.

Что касается до центрального управления при Михаиле Федоровиче, то оно восстанавливалось в Москве по старым образцам, завещанным XVI веком в форме старых приказов, и только потребностями времени вызывались к жизни новые приказы. Их было много учреждено при Михаиле, но устраивались они опять-таки по старым досмутным образцам, специализируя одну какую-нибудь отрасль владения какого-нибудь старого приказа. В центре всего управления по-прежнему стояла и всем руководила государева Боярская дума.

2. Кроме забот об администрации в Москве очень заботились о поднятии после смуты общего благосостояния, стремление к которому было, конечно, присуще и XVI веку; благосостояние земли было необходимо правительству и для хорошего устройства службы и тягот. В эту именно рамку отливались все заботы правительства, которые мы назвали заботами о благосостоянии. Благосостояние народа смешивалось тогда с благоустройством государственных повинностей.

Это приводит нас к вопросу об устройстве сословий при Михаиле Федоровиче, так как государственные повинности в Московском государстве носили сословный характер. Начнем со служилого сословия. Заботы правительства о нем были двоякого рода: 1) заботы об обеспечении служилых людей землями, или иначе – вопрос поместный – и 2) заботы об отношении служилых людей к крестьянству, или иначе – вопрос крестьянский. Как уже известно, главным средством содержания военного дворянского класса была земля, а на земле – крестьянский труд. Смута должна была, конечно, поколебать и замутить правильность поместного землевладения: масса дворян была согнана с поместий, масса поместных земель пустовала и вместе с тем множество дворцовых и черных земель перешло в поместья. Наряду с беспоместными помещиками были такие, которым поместья попали незаконно или неизвестно как. Ни наличного числа дворян, годных к службе, ни степени обеспеченности их правительство в первые годы не знало. В горячее время первых войн оно старалось кое-как привести в известность все это, отбирало незаконно захваченные казенные земли², разбирало и «испомещало» служилых людей и, не прибегая к строгой проверке прав на землю того или другого помещика, давало разоренным денежное жалованье, а для увеличения служилого класса верстало в службу казаков, «которые от воровства отстали». Словом, оно приводило в ясность свой служилый класс и в поместных делах руководилось старыми обычаями, издавало при случае частные указы о поместных делах и, наконец, в 1636

² О редукации есть два мнения: одни совершенно отрицают ее существование и говорят, что московское правительство укрепило землю за тем, за кем она находилась в момент ревизии (Бестужев-Рюмин); другие допускают редукацию, как в Швеции, где, когда борьба правительства с дворянами окончилась победой абсолютизма, она проводилась с неумолимой суровостью. Хотя такой редакции у нас не было, однако нельзя согласиться и с первым мнением, так как мы находим ясные и несомненные признаки ее.

г. составило целый свод из этих указов – «поместное уложение». Но эта лихорадочная деятельность не могла сразу привести к полному благоустройству. Положение служилых фактически было чрезвычайно тяжело. Вследствие этого многие из них «воровали», «оставались в нетях», т. е. не являлись по призыву на службу, и это сходило с рук по слабости надзора. Другие же добросовестно служили, а служить им между тем, как тогда говорили, было «не с чего». И вот в 1633 г. московские дворяне, т. е. высший разряд дворянства³, били челом, что на войну идти не могут; у одних нет земель, а у других и есть, да пусты, – крестьян нет, а если и есть, то 3, 4, 5 или 6 душ всего, а это для службы слишком мало. Правительство велело разобрать их челобитья, причем признало, что служить помещик может только с 15-ти крестьян. Любопытно, что на соборе 1642 г. это число самими дворянами определяется не 15-ю, а 50-ю. Но если положение лучшего дворянства было таково, то еще хуже было положение низших его слоев, это мы видим из многих документов того времени и, между прочим, из челобитья, которое в 1641 г. дворяне разных городов, бывшие на Москве, подали об улучшении их быта. Они, описывая свое печальное положение, между прочим, указывали на то, что много дворян «не хотят с ними государевы службы служить и бедности терпеть и – идут в холопство». Уже Судебник 1550 г. запрещает находящимся на службе, «верстаным» дворянам идти в холопы, а теперь, в 1642 г., в ответе на челобитье правительство запретило это всем дворянам вообще. Переход дворян в холопы, предпочтение зависимого холопского состояния свободному состоянию землевладельца, конечно, резкий признак тяжелого экономического положения. Сами дворяне склонны были видеть причины своего расстройств в тяжести службы и злоупотреблениях по службе, именно в неравномерном распределении служебных тягот между дворянами (на что они указывали на соборе 1642 г.), а затем в малой устойчивости крестьянского труда, которым они только и могли держаться. О таком-то положении крестьянского труда говорит замечательное челобитье 1646 г.; оно в значительной степени посвящено незаконному переходу и переводу крестьян и кабальных людей. Та борьба за крестьянина, которая шла в XVI в., продолжается и в XVII в.

В нашей беседе о крестьянстве XVI в. мы пришли к тому выводу, что под так называемым прикреплением крестьян в конце XVI в. нельзя разуметь общей государственной меры, закреплявшей целое сословие, а нужно видеть только ограничение перехода некоторой части крестьянства и ограничение территории для перехода (указы Бориса Годунова). В XVII в. крестьяне переходят от одного землевладельца к другому и заключают с ними такие же порядные, как в XVI в., но рядом с этим есть разряд крестьян, которые переходить по закону уже не могут, а бегут и вывозятся беззаконно. Трудно объяснить, что за разница была между двумя разрядами крестьян в XVII в., на чем одни из них основывали свое право свободного выхода и на каком основании другие были лишены этого права. В положении крестьян времени Михаила Федоровича для нас еще очень много неясного, но вероятнее всего, что в основе такого деления крестьянства лежали экономические обстоятельства, денежные их отношения к землевладельцам. Беглым крестьянином становится тот, кто должен был уйти с расчетом, а ушел без него. Таких искали и возвращали к старым землевладельцам в XVI в. без срока, потом – в течение 5 лет после побега (по указу 1597 г.), после чего бежавший был свободен. Но так как дворяне желали и просили увеличения этого срока, то Михаил Федорович в 1615 и 1637 гг. в виде частных льгот для некоторых землевладельцев изменяет эту давность на десятилетнюю. А в 1642 г. благодаря дворянскому челобитью 1641 г., в котором дворяне просили решительной отмены срока, десятилетний срок становится уже

³ Назначенные в поход против поляков с князьями Черкасским и Пожарским.

общим правилом для беглых крестьян, а пятнадцатилетний – для крестьян, вывезенных насильно другим землевладельцем. Это увеличение сроков шло, конечно, в пользу помещиков для лучшего их обеспечения, в виде лучшего исполнения ими службы. Здесь интересы крестьян принесены в жертву интересам служилого сословия.

В XVII в. встречаются уже уступка и продажа крестьян без земель. Это делалось, например, так: если крестьянин одного помещика был убит крестьянином другого, то второй владелец вознаграждал потерпевшего одним из своих крестьян. А бывали и прямые уступки крестьян по гласным сделкам между землевладельцами. Отсюда видно, что помещики владели крестьянами крепко. Однако не все крестьяне были прикреплены к земле. Те, которые не были вписаны в писцовые книги, а жили при своих родных, могли еще переходить с одной земли на другую и заключать порядные. Но мы видим, что такой порядок продолжается недолго, ибо, переходя, крестьяне заключают свои новые договоры на вечные времена, а не на сроки. Вот то средство, которым помещики и остальную часть крестьянства закрепили за собой.

Перейдем теперь к посадским людям. В первой половине XVII в. между крестьянином, пахавшим в уезде, и посадским человеком, сидевшим на посаде, не было никаких почти различий по праву: посадский мог перейти в уезд на пашню, а крестьянин – сесть в посаде и торговать или промышлять. Разница была только в том, что крестьянин платил подать с земли, а посадский – с «двора». Руководясь этим только признаком, мы не можем говорить об особом классе посадских людей. Малочисленность этих последних была просто поразительна. Во многих городах в XVII в. совсем не было посадских людей: в Алексине, напр., около 1650 г. «был посадский человек», пишет воевода, «и тот умер». «На Крапивне», пишет другой воевода, «посадских людей только три человека и те худы» (т. е. бедны). В самой Москве число посадских после смуты стало втрое меньше, чем было до нее. Малочисленность торгового и промышленного класса указывает на слабое развитие промышленности и торговли в Московском государстве в XVII в. Упадок торговли и промышленности в XVI в. мы уже имели случай отметить в своем месте. Что же обуславливало продолжение этого упадка и теперь, в первой половине XVII в.? Конечно, смута и печальные последствия этой эпохи – всеобщее разорение, далее – тяжелые подати, сборы пятой и десятой деньги, насилия администрации; затем сюда надо присоединить монополии казны, откупа, наконец, отсутствие частных капиталов (исключение составляли только знаменитые северные промышленники Строгановы). Далее не последним фактом, мешавшим поднятию русской торговли, была конкуренция иностранцев: англичан, которые в самом начале царствования Михаила Федоровича получили право беспошлинной торговли внутри государства, и голландцев, которым с 1614 г. дозволено было также торговать внутри страны с половинной пошлиной. И вот с 1613 и до 1649 г. мы видим ряд челобитий русских торговых людей об отнятии торговых льгот у иностранцев. Жалуясь на плохое состояние своих дел, они во всем винят иностранную конкуренцию. Хотя и не одна эта конкуренция вызывала упадок русской торговли, однако действительно в XVII в. русские рынки попали в иностранные руки, и это отзывалось плохо на оборотах русского торгового класса. Почему в льготном положении иностранных купцов правительство видело пользу страны – решить трудно.

Гораздо понятнее и правильнее поступало московское правительство, призывая на льготных условиях промышленников-иностранцев: оно руководилось стремлением привить в России разные промыслы, до тех пор неизвестные. Среди промышленных иностранцев на Руси мы встречаем прежде всего так называемых «фудознатцев» – оружейников и литейщиков. Так, в 1640 г. англичанин Картрейт взялся искать в окрестностях Москвы золотую и серебряную руду, но, конечно, ничего не нашел и должен был заплатить по своему обязательству все издержки,

сделанные по этому поиску. Через два года Борис Репнин с рудознатцами ездил в Тверь для отыскания золотой руды, но его предприятие тоже не увенчалось успехом. Отыскивая руды, правительство заботилось тоже об оружейном и литейном деле – еще с XVI в. Тула была известна выделкой оружия, а в 1632 г. голландский купец Виниус получил позволение построить там завод для литья пушек, ядер и т. п.; в товарищество к нему впоследствии вступил Марселис. Затем, несколько позже, были посланы за границу переводчик Захар Николаев и золотых дел мастер Павел Эльрендоф для найма мастеров, знающих литейное дело. Торговые льготы и вообще гостеприимное отношение к иностранцам московского правительства, ожидавшего от них экономической пользы для страны, привлекало в страну много иноземцев. По отзыву бывшего в Москве при Михаиле Федоровиче гольштинца Олеария, до 1000 протестантских семейств жили тогда в Москве (с протестантами наши предки уживались как-то легче, чем с католиками). К иностранцам-промышленникам русские люди относились гораздо лучше, чем к иностранцам-купцам, находили, что у них есть чему поучиться.

Вот краткий обзор того, чем думало правительство Михаила Федоровича достигнуть поднятия экономического быта государства и улучшения своих финансов.

Итак, повторяем, в правительственной деятельности времени Михаила Федоровича главной целью было успокоение взволнованного смутой государства, и этой цели правительство думало достигнуть двумя путями: 1) истреблением административных злоупотреблений и 2) мерами, направленными к поднятию общего благосостояния.

Надо заметить, что при этом московскими правительственными людьми руководил, может быть, сознательно, а может быть, и бессознательно, один принцип: все должно быть по старине – так, как было при прежних царях. Руководясь этим, они ничего не хотели реформировать и вновь учреждать: восстанавливая государство после смуты, они шли к старым образцам и действовали старыми средствами.

Но московское правительство ни целей своих не достигло вполне, ни принципа своего не провело строго. Возвращаясь к старине, восстанавливая весь старый механизм управления, московские люди не думали что-либо менять и вместе с тем изменили многое. Такого рода перемены произошли, например, в областном управлении, где правительство более или менее систематически вводило воевод, так что воеводская власть из власти временной становится постоянной и вместе с тем гражданской властью. Далее, держась по-старому поместной системы, торопясь привести в порядок поместные дела, упорядочить службу, правительство все более и более прикрепляет крестьян, «чего при старых великих государях не было». С другой стороны, давая первенствующее значение служилому классу, все более и более обеспечивая его положение, мало-помалу приходят к сознанию неудобства и несостоятельности дворянских ополчений, ввиду чего и заводится иноземный ратный строй, солдатские и рейтарские полки. В войске Шеина в 1632 г. под Смоленском было уже 15 000 регулярного войска, устроенного по иноземному образцу. Этих примеров совершенно достаточно для доказательства того, что деятельность правительства Михаила Федоровича, будучи по идее консервативной, на деле, по своим результатам, была, если только уместно это слово, реформационной. Таким образом, результаты противоречили намерениям; случилось же это потому, что смута внесла в общественную жизнь и ее отношения много таких перемен, которые делали невозможным поворот к старому, хотя это, может быть, и не сознавалось современниками. Так, смута создала для русского общества совсем исключительное положение в государственных делах: Земский собор при Михаиле Федоровиче признавался существенным элементом

государственного управления, а в этом факте никак нельзя усмотреть консервативной тенденции, ибо в XVI в. верховная власть не могла так смотреть на соборы, как смотрел на них Михаил Федорович. И никто не противоречил этому факту общественного участия в делах государства, пока новые условия жизни не упразднили его. С 1613 г. во все время царствования Михаила Федоровича власть государя стояла наряду с властью Русской земли; все важные государственные дела решались по царскому указу и соборному приговору, о чем постоянно свидетельствуют окружные грамоты, посылаемые от имени собора.